

МОНОЛОГИ, ДИАЛОГИ, ДИСКУССИИ

УДК 323.22.

DOI: 10.17223/1998863X/57/26

Ю.А. Пустовойт

ПРОТЕСТ КАК КРИК, РАБОТА И ВЕРА: ФОРМИРОВАНИЕ ПРОТЕСТНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЙ В СИБИРСКИХ ГОРОДАХ)¹

В рамках подхода теории городских режимов и революции четвертого поколения Дж. Голдстоуна предлагаем выделить совокупность элементов, способствующих возникновению и развитию протестной идентичности. Полученная модель сопоставлена с данными интервью и комплексом эмпирических данных о числе и характере протестных объединений в сибирских городах. В результате делается вывод о трех основных типах протестных объединений (государственно-патриотические, социалистические и либеральные) и возможных сценариях развития ситуации в сибирских городах.

Ключевые слова: революции, городской режим, коалиции власти, протестное сообщество, Сибирь.

«В (год) я была заявителем (...называет мероприятие). Нас стали жестко прессовать, что мы проводим незаконное мероприятие... там был один молодой человек, который... ну может громче кричал... какие-то „кричалки“... к нему подошли люди в штатском без удостоверений... И куда-то стали увозить. Я подошла как заявитель и поехала с ними... Это был безумный и опрометчивый поступок. Надо было кричать. Привлекать внимание. Требовать наряда. Мы приехали. Его увели в одну комнату, меня в другую... Был очень долгий и нудный разговор... Кто вы? Откуда вы? Зачем вы? Много говорили. Страха не было. Была злость. Страх появился позже. Сказали: „Все, вы можете подождать в коридоре ждать своего друга“... Жду его... Цепляю всех проходивших, пытаюсь понять, что происходит... Пробегая мимо разворачивается здоровенный мужик с кобурой. Говорит: „Ты что-то много разговариваешь. Наркоты у тебя найти в сумке? Сейчас проведем личный досмотр и найдем“. Я смотрю на него такими глазами, мне смешно. У меня? Наркоту? Он смотрит на меня как на идиотку: „Найти можно у всех“. И тут в голове у меня щелкнуло. ОК. Это угроза. И тут мне стало страшно. Потом отпустили этого парня. Мы вышли из здания. И там нас встречала толпа друзей и знакомых, журналистов, прихватили даже немецкую журналистку. Было здорово, какой-то момент единения оказалось... Оказывается наши начали звонить. Что неизвестные увезли друзей... Кто-то успел записать номер машины...» (крупный сибирский город, общественный лидер и организатор мероприятий).

---

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта «Как создается протест? Пространства, символы и лидеры протестных сообществ в городах Сибири» № 18-011-00866.

Раздражение, возмущение, страх, гнев, эйфория – так обычно обозначают свои переживания участники протеста, ситуации отрицания ими каких-либо политических, социальных, экономических властных или провластных инициатив. Когда и как неприятие доминирующего субъекта переходит в совсем иное качество и обычное тихое ворчание сменяется митинговой активностью, готовностью рисковать своим социальным, экономическим благополучием, а иногда свободой и собственностью – тема, выходящая далеко за рамки предлагаемого материала, однако без ее обозначения фокус исследования будет постоянно размываться по множеству частных и очень разных по причинам, содержанию и результатам мероприятий. Итогом многочисленных расколов между управляющими и управляемыми является рост числа участников и акций протестных сообществ – групп, взаимодействующих на регулярной основе, ориентированных на реализацию заявленных целей через прямые и открытые (в первую очередь уличные) формы борьбы. Как, при каких обстоятельствах формируется протестная идентичность, какой смысл приносят их участники в свою деятельность и как это определяет их жизненные приоритеты – тот круг вопросов, которые мы рассмотрим в этом материале. Его эмпирической базой послужили вторичный анализ исследований российских городов, проведенных STRELKA KB [1–3], статистические данные, анализ хода и результатов избирательных кампаний, публикаций в средствах массовой информации и социальных сетях, регулярные наблюдения митингов, интервью, беседы с активистами (более 50), участниками нескольких фокус-групп и семинаров.

Отметим, что данные по количеству протестов, их тематике, эффектам от публичных прямых действий труднодоступны. Считаем, что сведения, публикуемые в СМИ¹, позволяют на этом этапе исследования дать хоть и не совершенную, но более или менее адекватную картину событий.

Если оценить протестные (здесь только «уличные») мероприятия, то высшую оценку на конец 2019 г. (митинги по общероссийской и локальной повестке проходят регулярно, есть относительно стабильное «ядро» активистов, события обсуждаются в городских, региональных и федеральных СМИ) получают Омск, Новосибирск, Иркутск, Томск, Красноярск (список составлен по относительному падению активности). Среднюю – Барнаул (здесь активность подпитывается региональными городами Бийском и Рубцовском), Улан-Удэ (рост активности с 2019 г.), Абакан и Новокузнецк. В двух последних городах за последний год рост общественных выступлений имеет ярко выраженную экологическую составляющую, направленную против угольных компаний. Минимальную оценку получают города Кемерово, Чита, Горно-Алтайск, Кызыл. Здесь относительно немногочисленные акции, обычно не попадающие в новостную повестку.

Главным источником вдохновения для нас служит работа Дж. Голдстоуна о революциях четвертого поколения. На основе синтеза основных направ-

---

¹ 12 июня на улицы вышло больше людей, чем 26 марта. Карта протестов «Медузы» и «ОВД-Инфо». Самые полные данные // Медуза. 2017. URL: <https://meduza.io/feature/2017/06/13/skolko-lyudey-protestovali-12-iyunya-i-skolko-zaderzhali> (дата обращения: 02.11.2019); Акции протеста в день выборов. Хроника. Как в России протестовали против повышения пенсионного возраста // Медуза. 2018. URL: <https://meduza.io/live/2018/09/09/aktsii-protesta-protiv-pensionnoy-reformy-v-den-vyborov-hronika> (дата обращения: 02.11.2019).

лений анализа революций, социальных движений и протестов автор приходит к выводу о том, что в современном мире стабильность режима следует считать неочевидным состоянием, и революционные процессы необходимо рассматривать как итог взаимодействия многочисленных сил. Американский исследователь предлагает прогностическую модель экстраординарных событий различных масштабов от государственных национальных до организационных (тюремный бунт). В ее основе – эффективность правления (способность государства воспроизводить социальные институты и соответствовать культурным ожиданиям), мера недовольства и степень конкуренции элит, представления протестующих о режиме [4. С. 101–103]. Эффективность правления предлагаем определять через уровень городского благополучия, конфликт элит – через данные о степени формальной и неформальной конкуренции элит, представления протестующих о режиме – через степень преданности протестной группе или идентичность, которую, опираясь на идеи Дж. Голдстоуна [4] и М. Дуглас [5], можно представить как формирование солидарности, чувства «мы» на основе интерпретации «они (враги)» и соотношений формальных и неформальных правил принятия и исключения.

«По-видимому, протестная идентичность – чувство привязанности и преданности к протестной группе – имеет в своей основе три источника. Во-первых, принадлежность к группе в значительной степени оправдывает и легитимизирует недовольство и гнев отдельных лиц, вызванные существующим порядком. Во-вторых, группа, если она обеспечивает конкретные выгоды либо предпринимает результативные действия, защищая своих членов и добиваясь перемен, наполняет своих участников чувством силы, независимости и эффективности, тем самым завоевывая их коллективную приверженность. В-третьих, само государство может создать или укрепить чувство оппозиционной идентичности, назвав какую-либо группу своим врагом либо предприняв действия против этой группы, тем самым продемонстрировав, что та не может рассчитывать на защиту и справедливость государства. В результате она остается в глазах своих членов единственным источником справедливости и защиты. Иными словами, протестная группа вербует сторонников, провозглашая себя носителем тех качеств, которые ожидаются от государства, а именно справедливости и эффективности» [1. С. 76]. Гнев, выгода и враг – так можно обозначить ключевые составляющие протестной идентичности.

«Роль протестов в моей жизни... Фатальная. Негативная. Нежелательная. Вынужденная. То есть это, конечно, не от хорошей жизни. Когда невозможно поступать. Я была обычным обывателем. Законопослушной. И даже тест проходила: конфликтный ли вы человек... И еще была такая книга – конфликтология... У меня там самые низкие показатели. Но когда затрагиваются мои интересы, я, как и каждый человек, начинаю качать права. Да и не только мои, тут ведь и государственные...» (Новосибирск, лидер экологического объединения)

Протест начинается с «крика», возмущения. Общим для всех нарративных повествований является присутствие некоего «Мы», выступающего как некий общий конструкт, которому грозит опасность. Смысл и рамки этого «Мы», объект его идентификации существенно различаются: «государство», «приятные люди», «активисты», «добросовестная бюрократия». Основой

эмоциональной реакции выступает нарушение «ими» (властью, государством, застройщиками, корпорациями, коррупционерами) привычных границ «Я» и «Мы» (народа, россиян, граждан, жителей города и района, персонала, налогоплательщиков...). «Мы» как актуализированный базовый фрейм, привычные рамки восприятия ситуации лежит в основе осознанной или неосознанной групповой идентичности, с которой отождествляет себя индивид и которая для него представляет определенную ценность (иначе бы не было реакции). Гнев – реакция на внешнее вторжение «чужого» (неизвестного, а потому опасного), потенциально угрожающее привычному самовосприятию собственного положения индивида в социальной структуре, его личной самооценке, планам, накопленному экономическому, социальному и культурному капиталу, складывающемуся как его взаимоотношения между привычными «Я» и «Мы». С одной стороны, это говорит о том, что российское общество не так индивидуализировано и атомизировано, как время от времени представляется в различных алармистских текстах, сетующих на отсутствие дружбы, солидарности и доверия между людьми, с другой стороны, выявленная нами в интервью и беседах эта множественность «Мы» и отсутствие общих разделяемых ценностей, авторитетов и программ приводят к отсутствию общих норм (точнее, множеству их интерпретаций), что затрудняет объединение и координацию усилий между сообществами. Тема «несправедливости» по-разному интерпретируется жителем провинциального города около угольного разреза и московским либертарианцем, бизнесменом и врачом, коммунистом, выпускником вуза, пенсионером, бывшим диссидентом, депутатом и т.д. Обычной реакцией в этом случае выступает «отторжение», исключение «других», как противоположной стороны конфликта, так и потенциальных союзников. Это хорошо прослеживается во многих интервью, где накал страстей усиливается по мере близости темы разговора «о своих», «столичном начальстве» и «союзниках».

«Вот до прихода в штаб у меня зарплата была выше, чем там. Раньше она была неплохая по нашим меркам. Вот почему я и говорю, что расходы на штабы охеренные, за те деньги можно было бы действительно конкретно выборную компанию хорошую провести. Тем более основная масса людей были бы волонтерами, пришлось бы тратиться на полиграфию, на ролики, а в основном были бы люди бесплатные. Возвращаясь ко мне, я-то на этом этапе пришел, я потерял и в зарплате, и потерял в том, что работа у меня была ближе, масса негативных фактов на самом деле. Но здесь вопрос был в самореализации» (Новокузнецк, лидер протестного объединения).

Подозрения «в корысти» постоянно звучат в адрес активистов, и тема «проплачивания» регулярно появляется в СМИ. Пока нам не удалось найти ни одного разбогатевшего в ходе политической борьбы (все больше встречались по социально-биографическим характеристикам «средние», «бедные», «побитые», «уволненные» и «отсидевшие»). Выбирая из списка мотивы, которыми руководствуются лидеры, наши информанты вполне доброжелательно относятся к тому, что лидеры делают политическую или социальную карьеру, но в отношении себя всегда настаивают на альтруизме и борьбе за ценности сообщества. Фрейм «моральной чистоты» и отказа от материальных личных выгод здесь выступает как доминирующий, что вообще-то не удивительно, учитывая, что базовые социальные слои для сообщества находятся, скорее,

внизу стратификационной структуры. Понятно, что это существенно затрудняет организацию, так как для работы требуются как минимум время и средства на организацию каких-либо действий.

Перевод протестных требований в рациональную и прагматическую плоскость («работу») как правило, не выступает основой уличных протестов. Стихия лозунга «Нет» (росту тарифов, увеличению пенсионного возраста, коррупции и беспределу властей) здесь поглощает все возникающие по ходу «Ну а дальше, что...» Обычный сценарий уличного мероприятия: «возмущение – социальные требования – политические лозунги (здесь преобладает исключение – „Вон“, „В отставку“), после чего объявляется о следующем митинге и продолжении борьбы. В случаях победы кто-то приносится в жертву (снимается очередной чиновник, отбирается бизнес, кто-то отправляется в тюрьму), но социальные проблемы не решаются и относятся «на потом».

«...Да ей все равно, ей все равно! У нее есть задача, она ее решает. Ну... есть люди, которые тебя, допустим, ненавидят. Ну ты как-то... нормально, ну работа такая, есть люди, которые тебя ненавидят. С ними даже как-то психологически проще, ты понимаешь, что разные взгляды и что кому-то дорогу перешел. А против такой девочки ты (по контексту – работник прокуратуры. – Ю.П.) ничего не можешь. Потому что такая девочка... после нее завтра будет другая, ей все равно. И сплошь и рядом в нашей ситуации я сталкивался с такими и девочками, и мальчиками.» (Томск, руководитель СМИ)

Сами интервьюируемые очень редко оценивают действующую власть как «врага» и активно требуют его уничтожения. Скорее, речь идет об оппонировании решениям властных групп по конкретным проблемам, требовании соблюдения законов или возбуждении уголовных дел в отношении конкретных чиновников и бизнесменов. Причем если до 2011 г. протестные сообщества строились вокруг проблем социального комплекса: порядка выплаты льгот пенсионерам, тарифов ЖКХ, выплаты и размеров заработной платы на предприятиях, – то сейчас повестка большинства протестных мероприятий сконцентрирована вокруг обеспечения конституционных прав и соблюдения законности, социальной справедливости и экологии. Интерпретация этих тем, определение стратегии приложения усилий и образа противоборствующей стороны позволяют выделить три условных типа протестных объединений, три основные разновидности «веры».

Государственно-патриотические сообщества действуют в русле государственной геополитики, в качестве врага обозначают условный «Запад» и его коллаборационистов на местном уровне, требуют разорвать с ними все отношения; активность сосредоточена против конкретных персон или решений местных властей. Патриотизм обычно означает изоляцию православной цивилизации и борьбу с миграцией. Достаточно дисциплинированное и устойчивое сообщество с хорошим, по нашим наблюдениям, финансированием, наличием близких по позициям депутатов во всех законодательных органах и сочувствующих чиновников в администрации.

Социалистические и коммунистические сообщества, как правило, можно поделить на две группы, одна из которых ближе к КПРФ, другая ей оппонировать в отношении стратегии и тактики. Обычно в качестве врага рассматривают не столько капитал, сколько отдельных капиталистов (в основном из

Единой России), а также отдельные решения партии власти. Практически весь политический пафос направлен на защиту Сталина и сталинской политики, причем на местном уровне критикуются исключительно активисты из либеральной общественности, хотя с последними время от времени проводятся совместные мероприятия. В этих сообществах разделение проходит, скорее, по возрасту: более молодые в основном ориентированы на политические и социальные программы, более пожилые – на защиту своих воспоминаний.

Либеральные сообщества обычно включают в себя сторонников Навального, «Яблока» и либертарианцев. Особенность этих групп в том, что именно их регулярно делают врагами и ответственными за все, что происходит. Ядро сообщества – молодые, обычно регулярно встречающиеся люди, ориентированные на ценности развития. С одной стороны, здесь, как правило, постулируются приоритет индивидуального выбора и приоритеты самовыражения, с другой – солидарность и взаимоподдержка. Подчеркивается значимость соблюдения законности и отказ от насильственных методов борьбы.

Ориентируясь на принципы Дж. Голдстоуна, выделим три группы сибирских городов, в которых мы будем наблюдать изменения характера протестной активности в течение ближайших четырех-пяти лет. Здесь мы не учитываем действия федеральных властей, возможные локальные экстраординарные ситуации, кризисы и катастрофы. Считаем, что определяющими будут два фактора: степень благополучия и степень конкурентности элит в городе [6].

В благополучных демократичных городах с развитыми средствами массовой информации (Иркутск, Новосибирск, Красноярск, Томск и с недавних пор Абакан) протестные объединения станут элементом формальной политической конкуренции. Политическая борьба сместится в электоральное и символическое поле. Уличная политика будет весомым дополнением, демонстрацией силы, способом объединения вокруг лидеров всех трех направлений (государственно-патриотического, социалистического и либерального). Успех будет зависеть от эффективного распоряжения ресурсами лидерами нового поколения. Действующая коалиция власти, скорее, сохранит свое доминирующее положение, но суммарно количество депутатских мест, полученных политиками, отождествляющими себя с оппозицией, будет больше, чем сейчас.

В городах среднего экономического благополучия Кемерово, Новокузнецк, Омск, Чита, где есть серьезный комплекс экологических (первые два) и социальных (вторые два) проблем, возможны локальные вспышки протеста, которые будут иметь кратковременный характер, но в целом, вероятно, во властных коалициях не произойдет серьезных изменений. Сложившиеся авторитарные традиции могут только усилиться, хотя не исключено появление новых акторов из системной оппозиции (ЛДПР и государственно-патриотических объединений). Экологический (разрезы) и трудовой (выплата зарплаты шахтерам) конфликты в Кузбассе будут решать действующие на территории корпорации; несистемные, в первую очередь либеральные, политики будут вытеснены на периферию.

В Горно-Алтайске, Кызыле, Улан-Удэ, Барнауле – городах с тяжелой экономической и социальной ситуацией – изменения действующей власти маловероятны, хотя возможны ситуативные вспышки протестов, прежде все-

го в Улан-Удэ и Барнауле. В первом случае это обусловлено ростом экономической привлекательности региона и развитием туризма, что стимулирует экономическую и политическую активность, так как ставит в центр внимания вопросы землепользования в районе Байкала. Во втором – сложная социальная ситуация, отток населения из некогда благополучных городов Алтайского края время от времени будут порождать попытки изменения положения через политическую борьбу.

Литература

1. *Богатство* и самостоятельность: что делает бюджет города устойчивым. 2017 год // STRELKA KB. URL: <http://citybudget.strelka-kb.com/> (дата обращения: 22.11.2019).
2. *Индекс* качества городской среды – инструмент для оценки качества материальной городской среды и условий ее формирования // ДОМ.РФ. URL: <https://xn--d1achkmla.xn--d1aqf.xn--p1ai/search/city/7> (дата обращения: 22.11.2019).
3. *Куда* податься: лучшие города для первой работы привлекательность городов для выпускников вузов [Электронный ресурс] // STRELKA KB. URL: <https://gradurating.strelka-kb.com/> (дата обращения: 22.11.2019).
4. *Голдстоун Дж.* К теории революции четвертого поколения // Логос. 2006. № 5. С. 58–103.
5. *Douglas M.* In the Active Voice. London ; Boston: Routledge and Reagan Paul with Russel Sage Foundation, 1982. 306 p.
6. *Пустовойт Ю.А.* Как создается режим: властные коалиции в сибирских городах // Полис. Политические исследования. 2019. № 4. С. 104–118. URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.08> (дата обращения: 22.10.2019).

Yuri A. Pustovoyt, Siberian Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Novosibirsk, Russian Federation).

E-mail: pustovoyt1963@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 57. pp. 277–284.

DOI: 10.17223/1998863X/57/26

PROTEST AS SCREAM, WORK, AND FAITH: THE FORMATION OF A PROTEST IDENTITY (BASED ON STUDIES IN SIBERIAN CITIES)

Keywords: revolutions; urban regime; coalitions of power; protest community; Siberia.

The article discusses how a protest identity is formed, what the meaning of protesters' activities is, and how this meaning determines protesters' life priorities. The empirical basis of the article is a secondary analysis of studies on Russian cities, statistical data, analysis of the course and results of election campaigns, publications in the media and social networks, regular observations of rallies, interviews, conversations with activists (more than 50), several focus groups and seminars. The theoretical framework of the study is set by Jack Goldstone's model, which proposes a prognostic model of extraordinary events of various – from state and national to organizational – scales. The model is based on the effectiveness of government (the ability of the state to reproduce social institutions and meet cultural expectations), on the degrees of dissatisfaction and of competition of elites, and on protesters' ideas about the regime. Based on the collected data, the author argues that the basis of protest is a complex of emotional reactions associated with the violation of the usual perception of the position of the group the individual identifies himself with (scream). The next stage is the organization of the community, establishment of regular interaction, development of goals and means to achieving them, nomination of leaders (work). Notably, this activity is rather selfless in nature. Over time, interacting with enemy opponents, protest becomes an element of personal life (faith). The main directions of modern protest are: state patriotic, socialist, and liberal. Presumably, in prosperous, democratic cities with developed media (Irkutsk, Novosibirsk, Krasnoyarsk, Tomsk, Abakan), protest associations will become an element of formal political competition. Street politics will be a significant complement, a demonstration of strength, a way of uniting around the leaders of all the three directions (state patriotic, socialist, and liberal). In cities of average economic prosperity with serious environmental and social problems (Kemerovo, Novokuznetsk, Omsk, Chita), protest is more likely to occur in the form of

short-term local outbreaks. In cities with a difficult economic and social situation (Gorno-Altaysk, Kyzyl, Ulan-Ude, Barnaul), effective protests are unlikely.

References

1. Strelka-KB. (2017) *Bogatstvo i samostoyatel'nost': chto delaet byudzhel goroda ustoychivym. 2017 god* [Wealth and independence: what makes the city budget sustainable. 2017]. [Online] Available from: <http://citybudget.strelka-kb.com/> (Accessed: 22nd November 2019).
2. DOM. RF. (n.d.) *Indeks kachestva gorodskoy sredy – instrument dlya otsenki kachestva material'noy gorodskoy sredy i usloviy ee formirovaniya* [Urban environment quality index as a tool for assessing the quality of the material urban environment and conditions for its formation]. [Online] Available from: <https://xn--d1achkmla.xn--d1aqf.xn--p1ai/search/city/7> (Accessed: 22nd November 2019).
3. Strelka-KB. (n.d.) *Kuda podat'sya: luchshie goroda dlya pervoy raboty, privilekatel'nost' gorodov dlya vypusknikov vuzov* [Where to go: the best cities for the first job, attractiveness of cities for university graduates]. [Online] Available from: <https://gradurating.strelka-kb.com/> (Accessed: 22nd November 2019).
4. Goldstone, J. (2006) K teorii revolyutsii chetvertogo pokoleniya [To the theory of revolution of the fourth generation]. *Logos*. 5. pp. 58–103.
5. Douglas, M. (1982) *In the Active Voice*. London; Boston: Routledge and Reagan Paul with Russel Sage Foundation.
6. Pustovoyt, Yu.A. (2019) How the regime is created: power coalitions in Siberian cities. *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 4. pp. 104–118. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2019.04.08